

КИНО

«...И только правда ко двору»

Недавно на экраны кинотеатров республики вышел новый полнометражный документальный фильм «Привет из 1937, 1949 и... годов», созданный творческим коллективом студии «Молдова-филм». Автор сценария З. Чиркова, режиссер Н. Гибу. Это картина-исповедь депортированных в 1949 году «кулаков и подкулачников», как их тогда называли.

Тема эта, как незаживающая рана, тревожит сегодня многих. И это вполне оправданно, так как, не поняв и не дав оценку прошлому, невозможно двигаться вперед. И еще. Если общество не выработает гарантии против рецидива подобных трагедий, оно обречено.

— Николай Трофимович, зрители страны знают вас как режиссера художественных фильмов. Последняя картина «Ваш специальный корреспондент» получила широкий резонанс, мнения, как водится, были неоднозначными, о ней говорили, спорили, писали газеты. И вот новая работа. Как родилась идея создания кинофильма об этой трагической странице нашей истории?

— Честно говоря, меня давно интересовало: почему в июне 1949 года в колхозы вступило лишь несколько процентов сельского населения Молдавии, а в августе ситуация изменилась поразительно... Что же произошло с моими земляками, кто смог и как провести такую агитацию, что люди стремительно отказались от традиционного уклада ведения хозяйства? Когда же стал разбираться, беседовать с теми, кто пережил это время, понял, что между июнем и августом пролегла страшная ночь с 6 на 7 июля сорок девятого... Она-то и стала определяющей вехой в истории коллективизации края. Об этом и говорят с экрана герои нашей картины — свидетели и участники тех трагических событий.

— Пришлось ли вам испытать сложности во время подготовительного периода и с какими проблемами вы столкнулись при съемках?

— Трудностей было множество на всех этапах. Судите сами: мы обращались в компетентные инстанции с просьбой дать нам возможность ознакомиться с архивными материалами. Но получили категорический отказ. Пришлось ограничиться работами ряда наших известнейших ученых-историков, которые исследовали этот период жизни нашей республики. К сожалению, даже я, не являющийся знатоком исторической науки, увидел, сколько же там неправды, как многое искажено. У Зощенко есть замечательные слова: «Писатель с перепуганной душой — это потеря квалификации». Я бы добавил, что боящийся правды историк совершает преступление перед народом.

Спору нет, зажиточные крестьяне были, но основная масса депортированных в то время — это обычные молдавские, русские, украинские, гагаузские, болгарские семьи. В той ситуации пострадали представители почти всех национальностей, населяющих наш край. Но скажите, откуда было взяться такому количеству кулаков после нескольких лет жестокой оккупации, войны, голода 1947 года? Просто кое-кому, по видимому, необходимо было отчитаться, что проведена большая работа по раскулачиванию, в результате которой созданы колхозы. И в 1951 году Л. И.

Брежнев с трибуны III съезда Компартии республики торжественно рапортовал, что в Молдавии кулачество ликвидировано полностью.

По своим предыдущим работам в кинодокументалистике я знал несколько семей, которые были в тот год сосланы в Сибирь, а впоследствии вернулись на родину. Когда же съемочная группа приехала к ним, то нас ждал удар: все категорически отказались говорить об этом перед камерой. Некоторых еще и сегодня не покидает страх. Другие испытывают негативную и оскорбительную силу клейма в анкете, иные за детей и внуков боятся... Тень прошлого — страшная сила.

Но потом нам поверили. Братья Аркадий и Юлиан Гуля из Дрокии. Это крепкие пожилые люди. Коммунисты. Без тени сомнения заявили: «Мы честно прожили свою жизнь, много и хорошо рудились. Нам нечего стыдиться»... Их воспоминания пронизаны неутихающей болью и глубоким пониманием того, что происходило тогда в нашей стране. Это и Мария Афанасьевна и Борис Пантелеевич Кондратьюк из села Садово Глодянского района, семья Цыра...

Слушая рассказы бывших ссыльных, невольно поражаешься их мужеству, стойкости и... великодушию. В процессе работы над фильмом у нас появилось много добровольных помощников. Были, конечно же, и те, которые говорили, что вообще об этом периоде вспоминать не стоит. Нужно забыть и не оглядываться в прошлое. Разве у сегодняшнего дня мало проблем? Неоднократно спрашивали меня, может, я сам из ссыльных, раз интересуюсь этой темой?! Когда же уверял, что ни я сам, ни мои близкие не пострадали, то верили с трудом, не понимая, зачем же мне это нужно...

Прошло столько лет, а многие и по сей день обращаются в различные инстанции с просьбой о юридической и гражданской реабилитации, так как клеймо той несправедливости до сих пор мучает их. Поэтому пока готовятся, а я верю, что готовятся документы о их невиновности, мы своим фильмом, я считаю, совершили акт нравственной реабилитации хотя небольшой части из тысяч и тысяч ни в чем не повинных соотечественников. Необходимо успеть покаяться перед живыми.

Получилось так, что фильм, который первоначально был задуман на двадцать минут экранного времени, разросся более, чем вдвое. Но мы не могли

остановиться и, главное, уже не могли отказать людям в их желании рассказать о себе, о том времени. Это особая ситуация. Так, у нас к концу съемочного периода набралось материала на два полнометражных фильма. Когда же я проинформировал об этом руководство киностудии, попросили сократить метраж. В конце концов начальство заявило, что в случае неповиновения я должен буду оплатить фильм из собственных средств. Я был в отчаянии. Но отступить от картины я не мог.

Об этих сложностях узнали бывшие ссыльные. Незамедлительно последовали предложения о помощи, спрашивали номер банковского счета, чтобы перевести деньги на этот фильм... Я отказался от этих услуг. Ведь по сути мы все, «кто был и не был виноват», обязаны, хоть с опозданием, повиниться перед ними.

Прессинг на студии был сильный. Однако секретариат Союза кинематографистов, и особенно Эмиль Лотяну, занял очень твердую позицию. И сумели отстоять картину в полном объеме. Допускаю, что фильм в чем-то несовершенен, не получился, как того хотелось бы, на то есть свои объективные причины, но что совершенно бесспорно, — он абсолютно правдив. А самими взыскательными судьями его могут быть только бывшие ссыльные. Они же в своих письмах оценивают его, я считаю, высшим баллом, поскольку совершенно не известные доселе люди присылают мне сокровенные исповеди о своей жизни.

— Николай Трофимович, как в дальнейшем вы думаете распорядиться неиспользованными в картине документами, отснятыми метрами киноленты, письмами, которые поступают в ваш адрес? Планируете продолжать эту тему или же считаете, что сказали своим фильмом все?

— Мы теперь обязаны идти дальше. Это наш, если хотите, моральный долг. Та июльская ночь сорок девятого года имеет свое трагическое продолжение. 1956—60 годы. Тогда многие получили разрешение вернуться, поскольку якобы «исправились». Второй фильм — это повествование о тех, кто не воспользовался «разрешением» и остался в местах ссылки. Не смогли простить или по другой причине? Как же сложилась их жизнь в Сибири, Алтайском крае, Амурской области, что вспоминают о своей родине и что завещают помнить детям и внукам?!

А третий фильм расскажет о том, как возвращались в родные края уроженцы Молдавии, как их встречали, как зачастую оказывалась родная земля хуже чужбины и они были вынуждены искать лучшей участи в других местах.

Работа предстоит, конечно же, большая. Но отступить уже нельзя. Невозможно в этом деле струсить, не оправдать надежд бывших ссыльных. Они ждут большого и честного разговора о своей судьбе. Давно ждут...

Беседу вела М. РЫЖОВА.